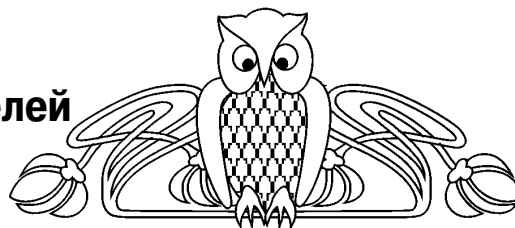

УДК 94(47).084.6

Религия и советское общество в работах американских наблюдателей 1930-х годов

Д. Н. Христенко

Христенко Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, khristenko1983@mail.ru

Статья посвящена анализу взглядов американских наблюдателей на положение религии в советском обществе в 1930-е гг. В их составе выделяются две различные группы: инженеры и рабочие, приехавшие участвовать в индустриализации СССР, и профессиональные журналисты из США. Зачастую по-разному воспринимаемая социально-политические процессы, происходившие в нашей стране, американские наблюдатели сходились в одном. С их точки зрения, падение роли и значения религии в советском обществе представляется не как результат репрессий со стороны государства, а как итог массового разочарования населения в церкви, связанного с глубокой внутренней социальной трансформацией советского общества. Формулируется вывод об осуществлении в 1930-е годы масштабной культурной революции, которая кардинально изменила положение религии в Советском Союзе.

Ключевые слова: СССР, США, религия, церковь, американские журналисты, общество, наблюдатели, восприятие.

Religion and Soviet Society in the Works of American Observers of the 1930s

D. N. Khristenko

Khristenko Dmitrii N., <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>, Yaroslavl State Medical University, 6 Chkalova St., Yaroslavl 150054, Russia, khristenko1983@mail.ru

The article is devoted to the analysis of American observers' views on the status of religion in the Soviet society in the 1930s. There were two different groups among them: engineers and workers who came to participate in the industrialization of the USSR, and professional journalists from the United States. Perceiving the socio-political processes that took place in our country often in different ways, the American observers agreed on one position. From their point of view, the decline of the role and significance of religion in Soviet society was not the result of repression by the state, but the result of the mass disillusionment of the population in the church, that was related to the deep internal social transformation of Soviet society. As a result, the article draws the conclusion about carrying out large-scale cultural revolution in the USSR in the 1930s, which radically changed the position of religion in the Soviet Union.

Keywords: USSR, USA, religion, church, American journalists, society, observers, perception.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-439-445>

Сталинским периодом, а особенно началом индустриализации вызвали у иностранных наблю-

дателей широкий интерес к СССР. Особенно это характерно было для США, где профессиональное и интеллектуальное сообщество, несмотря на отсутствие официальных дипломатических отношений вплоть до 1933 г., после начала Великой депрессии все чаще обращало свой взор в сторону СССР. Многие американские наблюдатели, посетившие нашу страну в 1930-е гг., опубликовали на основе своих впечатлений интересные работы, посвященные радикальным изменениям в нашей стране, в которых затрагивалось и положение религии, и изменение взаимоотношений церкви, общества и государства в Советском Союзе.

Следует отметить, что всех наблюдателей необходимо разделить на две группы. В первую можно отнести американских инженеров, рабочих, строителей, которые прибыли в СССР трудиться на стройках пятилетнего плана и чьи наблюдения над религиозной жизнью советского общества носили случайный, но в то же время искренний и абсолютно неангажированный характер. Так, американский золотопромышленник Литтелпейдж, по контракту приехавший в СССР работать на золотых рудниках Сибири, отмечал: «На следующий день после нашего прибытия в Россию [1928 г.] началась Пасхальная неделя. Все сотни церквей в Москве, на протяжении пяти или шести дней, днем и ночью, почти непрерывно звонили в свои колокола. Для наших ушей, это звучание было незнакомым и раздражающим, и мешало спать. Мы и не представляли тогда, что это была последняя русская Пасха, которую торжественно праздновали; вскоре после этого власти закрыли большую часть церквей, а оставшимся запретили звонить в колокола. Сегодня больше никто уже не сможет услышать звук церковного колокола в Советской России»¹.

Колокольный звон действительно перестал звучать в 1930-е гг. С началом пятилетнего плана десятки тысяч церквей, мечетей и синагог были превращены в клубы, кинозалы и места комсомольских собраний. Из 30 тыс. православных церквей в 1930 г. спустя 6 лет продолжало работать всего 4225 церквей и меньше 300 храмов осталось к 1939 г.² Колокола конфисковывались для переплавки в металл на нужды сталинской индустриализации, а сам церковный звон был запрещен в связи «ущербом, наносимым здоровью и обществу»³. Закрытые церкви нередко разбирались и шли на промышленное строительство.

По свидетельству инженера Франка Беннета, прибывшего из Детройта для участия в строительстве сталинского автомобильного завода в Москве, полы в цехах вместо высококачественного асфальта заливались низкокачественной смесью с добавлением кирпичей из старых зданий. Когда он осмотрел один из кирпичей, он понял, что он взят из церковной стены⁴.

Православные священники арестовывались и ссылались. Американский рабочий Джон Скотт, работавший в 1930-е гг. в Магнитогорске, впоследствии вспоминал: «Однажды, возвращаясь домой с работы, я увидел любопытную картину – бригаду из сорока или пятидесяти православных священников и епископов, одетых в грязные изодранные черные робы и такие же черные, напоминающие митру, шляпы. Все они носили длинные волосы, некоторые даже до пояса. Они упорно работали заступами и лопатами, срывая небольшой холмик. Курносый деревенский парень сидел неподалеку на бугорке, со старой винтовкой на коленях, и безмятежно наблюдал за ними. Я спросил одного из священников, за что он здесь, но он даже не ответил мне»⁵. В этом отношении обращают на себя внимание действия «курносого деревенского парня», который вовсе не сочувствует священникам и вовсе не тяготеет своей ролью надзирателя.

Необходимо отметить, что под удар попадали не только православные, но и другие направления христианства. Так, в 1934 г. была закрыта Киевская украинская греко-католическая церковь, на следующий год арестован священник, а здание церкви разрушено. Имели место случаи, когда действия власти вызывали даже дипломатические скандалы. Католический священник Питер Вайгель находился в составе зарубежной миссии Ватикана, работая среди немецкого населения Поволжья. В 1930 г. он был арестован и, несмотря на прямое обращение Римского папы, переданное через Красный Крест, был сослан на Соловки, где и умер в 1937 г.⁶

Не менее жестко преследовались и другие конфессии. Сократилось количество мечетей. С 1912 по 1942 г. их число уменьшилось с 26 279 до 1312. Ярким примером гонения на ислам в сталинском СССР может служить и Указ от 1935 г., запретивший хадж в Мекку. Помимо чисто религиозных мотивов, коммунистическое руководство подозревало мусульман в контактах со своими единоверцами за рубежом и, в частности, в пантырских настроениях⁷. В результате количество верующих в стране значительно снизилось. Американский инженер Зара Виткин, посетивший в начале 1930-х гг. Киево-Печерскую Лавру, свидетельствовал в своих мемуарах, что в знаменитом монастыре, во время службы присутствовала лишь «горсть прихожан»⁸.

К середине 1930-х гг. в СССР, по свидетельству иностранных наблюдателей, стали воз-

никать «города без церквей». Уже упомянутый Джон Скотт вспоминал о приезде в Магнитогорск своего друга: «Джо хотел осмотреть церковь, но я сказал ему, что Магнитогорск – один из немногих городов, возможно, единственный в мире, с населением в четверть миллиона человек, где нет ни одной церкви...». При этом американский рабочий отмечал, что редкие верующие воспринимались основной частью населения скорее как своего рода «безобидные чудачки», а не как мученики за веру и религию: «Иногда можно было увидеть, как крестьянин, только что приехавший из какой-нибудь отдаленной деревеньки, осеняет себя по старой традиции крестом; в бане время от времени можно было встретить пожилого мужчину с крестиком, висевшим у него на шее на шнурке. Эти остатки огромного прежде влияния на русских людей греческой ортодоксальной церкви не были объектом преследования со стороны властей. Население в целом улыбалось и подсмеивалось над этими еще сохранившимися верующими, а в прессе и в школах проводилась неослабевающая кампания атеистической пропаганды»⁹.

Действительно, с середины 1930-х гг. Советское государство прекратило поддержку таких радикальных антирелигиозных организаций, как Лига воинствующих безбожников. Особенно это было заметно в сравнении с более ранним этапом. По оценкам исследователей в период своей максимальной активности с 1927 по 1930 гг. Лига воинствующих безбожников и другие атеистические организации увеличили выпуск антирелигиозной литературы с 12 млн до 800 млн страниц¹⁰. Однако в середине 1930-х курс поменялся, став более гибким и сравнительно мягким. В результате за 4 года, начиная с 1932 г., количество членов Лиги уменьшилось в 3 раза. На местном уровне это было более заметно. В 1936 г. в Ленинграде организация переживала настоящий коллапс, поскольку буквально никто не был вовлечен в антирелигиозную работу¹¹.

Вместо того, чтобы отрицать Бога, советская пропаганда прославляла своих новых «богов»: исследователей, авиаторов, рабочих. В «Марше веселых ребят» (1934 г.) говорилось: «Мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева земли». Примером для них служил летчик Валерий Чкалов, дважды облетевший вокруг Северного полюса и ставший не только национальным, но и международным героем¹².

Избегая прямых репрессий во второй половине 1930-х, в качестве давления на церковь нередко использовались экономические меры, прежде всего, налоговое обложение. В 1936 г. Минский кафедральный собор обложили налогом в 4000 руб., а когда он сумел его выплатить, то в 1937 г. налог подняли до 7800 руб. Лишь после того как католическая церковь сумела найти и эти деньги, «рабочий комитет» призвал к насильственному закрытию церкви¹³.

На этом фоне представляет интерес как противоречивый труд американского инженера-химика Хирша, посвященный описанию его работы в СССР. Хирш отмечал, что «положение религии в СССР вызывает больше всего смущения и непонимания в Америке, в сравнении с другими сторонами жизни в советском государстве»¹⁴. Хирш пытался, как он говорил, прояснить положение, но в реальности сам способствовал серьезному искажению картины. К сожалению, американский инженер явно переоценивал положение религии и представлял его лучше, чем оно было в действительности. Он уверял читателей, что «в Советской России сегодня не существует писанного или неписанного закона, который запрещал посещать церкви или исповедовать какую-то веру». Хирш доказывает со ссылкой на данные советских атеистических обществ, что в СССР со времен Революции было закрыто не более 20 % церквей. «Представляется, что около 40 тысяч церквей, включая православные храмы, синагоги, мечети, сейчас действуют в России. В одной только Москве существует около 80 церквей... В деревнях было закрыто меньше 5 процентов церквей и согласно закону, они могли быть закрыты только после петиции со стороны местного населения, поддержанной 2/3 голосов»¹⁵, – искренне утверждал Хирш.

Трудно сказать, попал ли американский промышленник под влияние советской пропаганды, но именно с помощью подобных работ в 1930-е гг. в Америке формировался положительный и идеализированный образ сталинского режима в Советском Союзе. С другой стороны, когда Хирш переходит от общих заключений о религиозной ситуации к изображению сцен, свидетелем которых он был лично, в его описаниях чувствуется и внимательный стиль наблюдений, и достоверность. Так, Хирш красочно описывал сцены «чисток» в коммунистической партии, которые происходят весьма часто и всегда публично, и сравнивал процедуру «чистки» с процедурой исповеди в религии. «Человеку, в отношении которого идет расследование, предлагается исповедаться в своих грехах, и хотя советские власти не приветствуют использование религиозных терминов, оно настолько точное в данном случае, что они открыто прибегают к нему. Человек должен рассказать все о себе, начиная с рождения вплоть до настоящего момента, и не только о себе, но и о родственниках, друзьях и случайных знакомых, ничего не скрывая. Не имеет значения, насколько велики его грехи, гораздо лучше признаться в них, чем пытаться утаить. После того как обвиняемый закончит раскрывать свою душу, собравшимся предлагают рассказать все, что они знают об этом человеке. Каждое заявление должно быть подтверждено, и выступающие должны быть очень аккуратны в этом, поскольку лжесвидетельство грозит серьезными последствиями уже для них самих»¹⁶.

Сам Хирш достаточно критично относился к православной церкви, утверждая, что даже иностранец, проживший в стране более-менее длительное время, понимает, что действия советских властей по отношению к ней можно оправдать. В прежние времена, утверждал он, церковь беззащитно наживалась на безграмотных крестьянах, обещая награду в другом мире. Поэтому сейчас она справедливо лишена экономической власти, морального авторитета и престижа.

Хирш полагал, что коммунизм является определенного рода религией, и отмечал, что сами советские представители не приемлют такого сравнения только потому, что «два главных основополагающих основания религии, божественная власть и сверхъестественная природа, не существуют в коммунизме». Однако, с западной точки зрения, доказывал он, религиозные черты коммунизма несомненны. «Коммунист – это разновидность крестоносца, чья жизнь и работа должна быть без остатка посвящена строительству социализма»¹⁷.

Подводя итог своим размышлениям о религии в СССР, американский инженер делает вывод: «Как я уже говорил прежде, русские – реалисты. Они скептически воспринимают Бога и загробную жизнь, но чувствуют, что гуманность и жизнь на этой земле реальны, и именно это заботит их. Если у них и есть религия, то это она»¹⁸.

С данным выводом был согласен и американский инженер Рюкейзер, который утверждал, что советский коммунизм сам превратился в новую религию, которая охватывает 1/6 часть света и 1/10 всего населения мира. По его мнению, фигура ставшего к 1932 г. уже легендарным Ленина, так глубоко вошла в изначально религиозное сознание народных масс, что фактически заменила Бога в мистических умах русских мужиков. Он отмечал, насколько велика человеческая склонность опереться на что-то, ... и в Кремле даже раздумывали над тем, чтобы убрать тело Ленина с публичного обозрения, в целях избежания подобных настроений.

Тем не менее Рюкейзер вспоминал, то практически мистическое чувство, которое охватило его, когда он проходил вдоль захоронений революционеров у Кремлевской стены, как он выражается «мучеников-апостолов – тела тех последователей, которые даже в смерти окружили своего лидера [Ленина]». «Советский эксперимент, – восклицал Рюкейзер, – обрел для меня новое значение»¹⁹.

Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что мемуары и воспоминания первой группы американских наблюдателей позволяют нам наполнить историческое повествование о религиозной жизни в СССР красноречивыми деталями, дают возможность оживить картину ушедшей эпохи.

Гораздо больший интерес представляет вторая группа наблюдателей. Она включает в себя

профессиональных журналистов из США, авторов многочисленных произведений о нашей стране 1930-х гг., которые были близко знакомы с советской действительностью, на протяжении нескольких лет находясь в СССР. Они хорошо знали русский язык и были способны не просто наблюдать ситуацию в стране, но и проводить глубокий анализ и давать точные оценки происходящему. В то же время они различались по своим политическим взглядам. Для американских журналистов Уильяма Чермберлина и Юджина Лайонса было характерно критическое восприятие советской действительности, общее положение религии в СССР они рассматривают как достаточно тяжелое и обвиняют Советское государство в репрессиях в отношении церкви и ее служителей. Американцы подробно исследовали различные методы «коммунистической» пропаганды, особо отмечая открытие в бывших храмах музеев атеизма. Весьма интересное замечание сделал У. Чемберлин, сравнив положение церкви в Советском Союзе с положением рабочих профсоюзов до революции 1917 г. Он отмечал, что в царской России профсоюзы были легальными организациями, но их члены находились под наблюдением и зачастую преследовались. То же самое, по его мнению, было характерно для церкви и ее прихожан в СССР²⁰. При этом он связывал усугубление положения церкви с концом НЭПа и началом первого пятилетнего плана, что выразилось в изменении Конституции СССР. Если согласно ст. 4 Конституции РСФСР 1925 г. «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», то согласно редакции от 1929 г. за верующими признавалось только право религиозных исповеданий, а пропаганда могла носить исключительно антирелигиозный характер²¹. У. Чемберлин доказывает, что коммунизм в СССР враждебен всем религиям, так как сам, по своей природе является если не новой религией, то фанатичной верой.

Подобные заключения содержатся в работе Луиса Фишера. Он вспоминает свой разговор с девушкой-комсомолкой при посещении Киева в середине 1930-х гг. «Как это происходит, – вопрошала она, – что всегда, когда люди восстают, будь то в Мексике, или Испании, или России, они всегда атакуют церкви, сжигают монастыри и изгоняют священников? Рабочие и крестьяне никогда не являются действительно религиозными. Но церковь восхищает их своим богатством и своей предполагаемой тесной связью с Богом. Церковь держит их во тьме. Она запугивает их перспективой смерти. Она обещает им награду на небесах, в случае, если они не будут восставать на земле. Поэтому церковь является активным агентом в противодействии революциям. Капиталисты используют ее для этой цели. Разве церкви во всем мире осуждали [первую] Мировую войну? Нет, потому что это была капиталистическая война». – Она [комсомолка] говорила

с религиозным жаром»²², – подчеркивал американский журналист.

Сам Луис Фишер отмечает, что начало коллективизации сопровождалось закрытием Киево-Печерской Лавры в январе 1930 г., а начало второго пятилетнего плана совпало с прекращением богослужения в соборе Святой Софии весной 1934 г. Каждая новая волна революционных чувств и активности, замечал он, поглощает еще один религиозный оплот. Положение религии в России находится в обратной пропорции к успеху большевистской экономики. Поэтому, считал Л. Фишер, любая оценка будущего религии в России напрямую зависит от оценки экономических перспектив большевиков²³.

Не менее интересными и глубокими были и личные наблюдения, и замечания американских журналистов Мориса Хиндуса и Уолтера Дюранти. Так, М. Хиндус доказывает, что православная церковь закоснела и сама дискредитировала себя, одновременно отмечая амбивалентное положение протестантов в СССР. До революции они притеснялись как православной церковью, которая видела в них опасных сектантов, так и царскими властями. После революции большевики первоначально поддерживали протестантов, рассматривая их как своих союзников в борьбе с ортодоксальным православием. Но с началом пятилетнего плана ситуация изменилась. Вскрылись некоторые противоречия. Во-первых, фундаментализм протестантов, которые запрещали разводы, аборт, контроль над рождаемостью и отчасти придерживались принципа неравенства полов. Во-вторых, догматизм, с которым протестанты отстаивали свои религиозные убеждения. В-третьих, социальная толерантность, связанная с тем, что для протестантов на первом месте стоял человек, а не его классовое происхождение, экономический достаток или политические взгляды. Для советского правительства, которое объявило «войну» кулакам, «вредителям», нэпманам и иным контрреволюционерам, подобный подход был неприемлем. В результате с началом сталинской индустриализации и коллективизации протестанты подверглись тем же репрессиям, что и остальные верующие²⁴.

В свою очередь У. Дюранти полагал, что основная причина кризиса религии связана с отсутствием веры среди широких слоев населения, которые относятся к церкви абсолютно равнодушно. Он писал, что советский трудящийся достаточно легко отказывается от религиозных церемоний по экономическим причинам и привел слова одного рабочего на свадебной церемонии, с удовлетворением отмечавшего, что регистрация в ЗАГСе обошлась молодоженам всего в 30 коп., тогда как за религиозный обряд пришлось бы заплатить в 100 раз больше – 30 руб.²⁵.

Неуклонное снижение уровня религиозности подтверждали и результаты социологических исследований того времени. Опрос

колхозников в Центральной черноземной области в 1934 г. показал, что в возрастной группе 25–39 лет 38 % женщин и 10 % мужчин все еще соблюдали религиозные ритуалы, но в возрастной группе 16–24 лет только 12 % женщин и 1 % мужчин придерживались их. Данные по одной из деревень в Тверской области также показали, что только 35 % свадеб праздновалось по религиозному обряду, хотя всего десятилетием раньше их число доходило до 88 %²⁶.

С этим фактом равнодушия населения вынужден согласиться и У. Чемберлин. Он цитировал высказывание жены рабочего из Коломны, которая простодушно замечает: «Перед революцией все говорили мне, что я должна ходить в церковь, и я ходила. Сейчас все говорят мне, что я не должна, и я не хожу». Чемберлин приводил данное рассуждение как пример широко распространенного мнения и утверждал, что большинство советской молодежи, даже те ее представители, которые не являлись комсомольцами, относились индифферентно, если не враждебно, к любой форме религии²⁷.

Сведения, приводимые в современной литературе, опирающейся на раскрытые архивы, отчасти подтверждают это мнение. Опросы школьников в Старорусском районе показали, что от 30 до 80 % школьников верили в Бога, но их вера носила, скорее, не религиозный, а традиционный характер. Распространенными были следующие объяснения: «Я верю в Бога потому, что мои родители верят... Я не знаю, является ли религия вредной или полезной»²⁸.

Юджин Ллойд фиксировал схожие настроения советских граждан. Он описывал случай, когда в Москве в 1929 г. была снесена Иверская часовня – одна из наиболее почитаемых в России православных святынь. По его словам, разговоры людей продолжались в Москве всего 3–4 дня, а потом прекратились. Ю. Ллойд пришел к выводу, согласно которому людей в основном интересовали текущие вопросы социально-экономического развития: «Русские гораздо больше думают о потере своей земли и другой собственности [отсылка к коллективизации], чем о своих иконах»²⁹.

Вызывают большой интерес и наблюдения американской коммунистической писательницы Миры Пейдж, которая в 1932–1933 гг. несколько месяцев прожила в подмосковном Подольске. Наряду с другими сторонами жизни она достаточно подробно описала и религиозную ситуацию. М. Пейдж приводит свой разговор с редактором местной газеты о положении религиозных организаций в городе. На ее вопрос, есть ли в Подольске церкви, редактор ответил: «Когда-то в Подольске было несколько церквей. Неважно, насколько маленьким или бедным был город, духовенство всегда процветало. Но после революции эти места пустели все сильнее и сильнее. Затем население начало требовать, чтобы эти невоображаемые здания были забраны

государством и превращены в клубы и музеи. Так и было сделано. Те, кто все еще хочет посещать церковь, приходят в кафедральный храм. Он остался только один – но он самый большой и самый лучший»³⁰.

М. Пейдж решила лично посетить храм и зафиксировала свои впечатления от посещения кафедрального собора. Она описала молодую девушку, недавно приехавшую из деревни, и присматривавшую за храмом. На вопрос М. Пейдж, много ли посетителей приходит на службу «девушка безразлично ответила, что по воскресеньям бывает 40, максимум 50 человек. Все старые». Мнение девушки о настоятеле храма тоже было нелестным: «Когда она говорила о священнике, то громко хмыкнула. Паразит. Она, по крайней мере, чистит здание, разгребает снег. Но что делает он, только бормочет в свою борозду, зарабатывая право на народные деньги. Нет, она сама никогда не ходит на службу. «Хотя я зарабатываю здесь себе на жизнь, я согласна с разговорами в городе. Это место надо закрыть». На резонный вопрос американской писательницы: «А что будет с твоей работой? – Она не отреагировала. – Я могу пойти работать на фабрику. Или если храм станет клубом или чем-то другим, то я могу остаться здесь».

Отношение М. Пейдж к словам девушки-прислужницы было явно сочувственным: «Я размышляла над судьбой храма. Место, построенное в расчете на 1500 человек, используется один раз в неделю полусотней человек. И это в то время, когда для других целей так сильно не хватает помещений!».

Когда американская писательница обратилась за разъяснениями к уже упомянутому редактору газеты, он ответил, что советские власти пока не собираются закрывать храм. «Правда, что совсем мало людей посещают его, но это последний храм не только в Подольске, но и во всей округе. Если государство заберет его сейчас, то людям преклонного возраста негде будет молиться, и коварные кулаки смогут воспользоваться этим для распространения разного рода слухов, возбуждая проблемы. Лучше подождать несколько лет еще, пока старые люди не умрут, или пока им не надоест кормить священников даром. Тем более, что нет опасности, что молодое поколение может попасть под влияние церкви»³¹.

М. Пейдж согласилась с этим мнением и уверяла, что коммунисты вовсе не так яростно преследуют церковь, как это зачастую представляется. В частности, она подробно описывала уважительное отношение советских властей к религиозным обрядам погребения, чтобы не раздражать верующее население. С ее точки зрения, главная причина падения авторитета церкви заключается не в репрессиях, а в подъеме просвещения народных масс на новый уровень. Она отмечала: «В Подольске, как и в других местах СССР, взрослый человек может ходить или не хо-

дить в церковь как ему вздумается. Но церковь, очевидно, это умирающий институт. В Харькове, Москве, Баку, на Донбассе, происходит все то же самое: пустеющие религиозные цитадели, в конце концов, трансформируются в общественные здания. В деревнях священники продолжают держать сторону кулаков. Но трактор и колхозная жизнь учат крестьян смеяться над старыми суевериями, которые когда-то заставляли их каждую весну жертвовать лучшего поросенка или цыплят священнику в обмен на его обращение к святым, чтобы они послали хороший урожай! Прошло пятнадцать лет со времен революции. Распространение науки, желание участвовать в создании нового мира и значительный горький опыт взаимодействия с церковью, которая поддерживала царские жестокости, неправедных богачей и всегда давала убежище врагам народа и советской власти, обратили население против религии. Не всех, но основное большинство»³².

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов, которые вытекают из работ американских наблюдателей о положении религии в Советском Союзе в 1930-е гг.

Во-первых, они явно опровергают картину насильственного подавления религии в противовес чувствам большинства населения СССР, как это зачастую представляется в современных исследованиях.

Во-вторых, американские наблюдатели заставляют поднимать сложные и непростые вопросы: была ли Россия действительно религиозной страной до революции 1917 г.? Существовала ли возможность сохранить веру в условиях сталинского режима при молчаливом попустительстве и равнодушии населения? Насколько отражает действительность перепись 1937 г., согласно которой более половины населения СССР обозначили себя как верующих, и что было бы верующим в их понимании?

В-третьих, приходится констатировать, что ответ на эти вопросы, полученный через призму наблюдений иностранцев, будет, скорее, отрицательным. В глазах иностранных наблюдателей население СССР было нерелигиозным. Не только советская молодежь, но и рабочие, и крестьяне – основные социальные слои советского государства – когда индифферентно, а когда и сочувственно воспринимали действия властей.

В-четвертых, необходимо отдельно выделить прослойку членов партии и убежденных коммунистов, которые в описании иностранцев сами являлись религиозными фанатиками, но религией для них была новая вера – «строительство социализма».

В-пятых, положение религии было не статичным, а динамичным – после атаки на религию в начале 1930-х гг., затем власти оставили антирелигиозных радикалов (общество воинствующих безбожников) без поддержки, стремясь сохранить стабильность в обществе.

Падение роли и значения религии в советском обществе в работах американских наблюдателей представляется не столько как результат репрессий властей, как постоянно утверждается в отечественных исследованиях (работы О. Губкина³³, Д. В. Поспеловского³⁴, С. Л. Фирсова³⁵, А. Л. Худобородова и М. А. Яшина³⁶), сколько как результат глубокой внутренней социальной трансформации самого общества. Широкие слои населения оказались захвачены духом сциентизма и опоры на науку, которая приходила на смену религии, а вместо веры была сделана ставка на материализм и рациональное понимание и объяснение действительности. Фактически, в 1930-х гг. в СССР произошла масштабная культурная революция, которая кардинально изменила положение религии в стране, формируя новое светское миропонимание жизни в Советском Союзе.

Примечания

- 1 Littlepage J., Bess D. In Search of Soviet Gold. New York, 1938. P. 18.
- 2 Zuger C. L. The Forgotten : Catholics of Soviet Empire from Lenin through Stalin. New York, 2001. P. 244.
- 3 Ibid. P. 243.
- 4 Tzouliadis T. The Forsaken : An American Tragedy in Stalin's Russia. New York, 2008. P. 43.
- 5 Scott J. Behind the Urals : An American Worker in Russia's City of Steel. Massachusetts : The Riverside Press, 1942. P. 86.
- 6 Zuger C. L. Op. cit. P. 248.
- 7 Weeks R. T. Across the Revolutionary Divide : Russia and the USSR 1861–1945. New York, 2011. P. 170.
- 8 An American Engineer in Stalin's Russia. The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934. Edited with an Introduction by Michael Gelb University. Berkeley, 1991. P. 69.
- 9 Scott J. Op. cit. P. 235.
- 10 Walters P. A survey of Soviet Religious Policy // Religious Policy in the Soviet Union / ed. by S. P. Ramet. Cambridge, 2005. P. 14.
- 11 Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997. P. 75.
- 12 Weeks R. T. Op. cit. P. 170.
- 13 Zuger C. L. Op. cit. P. 250.
- 14 Hirsch A. Industrialized Russia. New York, 1934. P. 218.
- 15 Ibid. P. 219–220.
- 16 Ibid. P. 222.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid. P. 225.
- 19 Rukeyser W. A. Working for the Soviets : An American Engineer in Russia. New York, 1932. P. 278.
- 20 Chamberlin W. H. Russia's Iron Age. New York, 1934. P. 322.
- 21 Ibid. P. 319.
- 22 Fischer L. Soviet Journey. New York, 1935. P. 305.
- 23 Ibid. P. 305.
- 24 Hindus M. Great Offensive. New York, 1933. P. 167–175.

- ²⁵ *Duranty W.* *Duranty Reports Russia.* New York, 1934. P. 379–380.
- ²⁶ *Fitzpatrick S.* *Stalin's Peasants : Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization.* Oxford, 1996. P. 205.
- ²⁷ *Chamberlin W. H.* *Op. cit.* P. 325.
- ²⁸ *Davies S.* *Op. cit.* P. 75.
- ²⁹ *Lyons E.* *Assignment in Utopia.* New York, 1937. P. 244.
- ³⁰ *Page M.* *Soviet Main Street.* Leningrad, Moscow : Cooperative Publishing Society of Foreign Workers in the USSR, 1933. P. 104.
- ³¹ *Ibid.* P. 104–105.
- ³² *Ibid.* P. 105.
- ³³ См.: *Губкин О.* *Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы.* СПб. : Санкт-Петербургская православная духовная академия, 2006.
- ³⁴ См.: *Поспеловский Д. В.* *Русская православная церковь в XX веке.* М., 1995.
- ³⁵ См.: *Фирсов С. Л.* *Власть и огонь : Церковь и советское государство в 1918 – начало 1940-х гг. : очерки истории.* М. : Изд-во ПСТГУ, 2014.
- ³⁶ См.: *Худобородов А. Л., Яшина М. А.* *Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920–1930-е гг.)* // *Вестник ЮУрГУ.* 2011. № 30. С. 61–65.

Образец для цитирования:

Христенко Д. Н. Религия и советское общество в работах американских наблюдателей 1930-х годов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2019. Т. 19, вып. 4. С. 438–445. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-438-445>

Cite this article as:

Khristenko D. N. Religion and Soviet Society in the Works of American Observers of the 1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 438–445 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-438-445>